

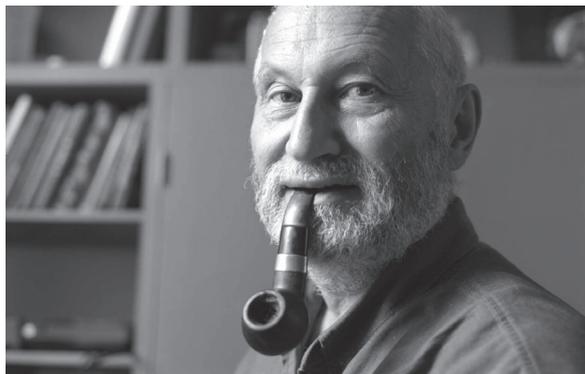
Тема «Восток – Запад» имеет ясно выраженный культурно-исторический смысл. Христианские храмы обращены на Восток. Путь по земле Запад–Восток и Восток–Запад в десятки тысяч километров имеет особое значение. Он отличен от пути с Севера на Юг: горизонтальные оси связывают районы, в то время как вертикальная ось (Земля–Небо) – миры. Экспансия евразийских племен распространялась по оси Восток–Запад, по мировой горизонтали пути. Сегодня культурная память людей Запада и Востока оказалась в театре новых драм бытия и новых стихий. С победой электроники мировые движения как бы опустились в глубину хтонического прошлого и вышли обновленными на поверхность небывалых скоростей и мгновенных связей; обнаруживается новый тип планетарного ландшафтно-космического родства, где нет места Западу и Востоку.
 Ключевые слова: Запад; Восток; ось; ориентация храмов; путь; место; память; архитектура. /

The topic “West-East” has a clear cultural and historical meaning. Orthodox temples face East. The way from West to East and from East to West is tens of thousands of kilometers long and has a special meaning. It differs from the way from North to South: the horizontal axes connect regions, while the vertical axis (Earth-Sky) connects the worlds. The expansion of Eurasian tribes occurred along the East-West axis – the world horizontal way. Today the cultural memory of people in the East and West finds itself in the theatre of new dramas of existence and new forces. With the advances in electronic technologies, the world movements seem to have sunk in the depth of the chthonian past to come up anew to the surface of fantastic speeds and momentary connections. A new type of planetary landscape-space relation appears, giving no place for West and East.

Keywords: West; East; orientation of temples; way; place; memory; architecture

Запад и Восток / West and East

ТЕКСТ
 Александр Раппапорт /
 text
 Alexander Rappaport

Тема «Восток – Запад» в наши дни имеет ясно выраженный культурно-исторический смысл. Но сами по себе понятия Запада и Востока основаны на общем для планеты явлении – вращении Земного шара вокруг собственной, слегка наклоненной к плоскости эклиптики оси: Восток – место утреннего восхода солнца, Запад – место захода светила. Это верно в астрономическом смысле. Но видимое движение Солнца в южном полушарии – справа налево. То есть в нашем обыденном восприятии (а таким и было восприятие древних) – с запада на восток. В полдень солнце на севере, а не на юге. Все остальные рассуждения корректны для Северного полушария. В дальнейшем наши рассуждения будут построены именно на материале евразийско-северной части Земли: нам ведь важно именно северное полушарие, где происходят «осевые» события.

Эти феномены может наблюдать каждый житель планеты, где бы он ни находился, за исключением приполярных областей, где дважды в год солнце то не восходит, то не заходит – то есть в периоды полярной ночи и полярного дня. Но за полярным кругом практически никто никогда постоянно и долго не жил, и культурные стереотипы этих районов не сложились.

На всех остальных просторах Земли восходы и заходы – явление регулярное и постоянное, с помощью которого легко ориентировать любую улицу или постройку. В частности – христианский храм, апсиды и алтарная часть которого по традиции направлены на Ориент – Восток.

Традиция эта возникла в европейской части северного континента и обозначала направление храма на место рождения Спасителя. Что же касается христианских храмов в Китае, там этот смысл уже не действует. Практически же в строительстве множества храмов и в Европе, и в Азии смешаны разные традиции и схемы – зороастрийская, сориентированная на юг, христианская – на восток, мусульманская – на Мекку и множество центральных храмов, безразличных к своей ориентации (классический пример – римский Пантеон).

Но это особая тема архитектурно-конфессиональной археологии. Она имеет множество вариантов и на Востоке, и в Южной Америке, и в самом Риме.

Мы же сейчас обратим внимание на другое обстоятельство, которое Петр Капустин достаточно убедительно связал с идеей пути.

Путь в таком случае, изначально, – путь по земле, а не по морю; и тем самым идея пути и Большого пути возникает в северном полушарии, где есть возможность движения по суше на десятки тысяч километров. Южное полушарие, имея те же восток и запад по солнцу, понимает его несколько иначе, поскольку не сталкивается с горизонтальной линией как источником исторических событий.

Этот длинный путь в десятки тысяч километров Евразии от Бискайского залива до Чукотского моря с самого начала стал в особое положение к двум другим векторам: север–юг и небо–твердь.

Вертикальная ось Небо–Твердь изначально была занята мифами и религией и связывала не районы, а миры – небесный рай, подземный ад и земную юдоль.

Юдоль – женский род, устаревшая форма, библейский термин, означающий:

- 1) Долина, равнина.
- 2) а) В переносном значении – Место, где страдают, мучаются, терпят нужду.
- б) Жизненный путь с его заботами, трудностями и печальями.

3) В переносном значении – Жребий, удел, участь кого-либо (обычно печальные).

Таким образом, «место» как нейтральное обозначение точки и тесного пространства пребывания события или

человека расположено на перекрестке трех дорог – вертикали неба и ада, горизонталей север–юг и восток–запад.

С культурной и экономической точки зрения оси север–юг и восток–запад порой играли разную роль, но постепенно ось восток–запад перевесила ось север–юг. Ибо ось север–юг обладает равными для всех народов изменениями метеорологических условий и возможностями для жизни – неуклонно уменьшающимися на севере. Только ось восток–запад открывается как необозримая даль возможностей многообразия культур, языков, обычаев и судеб, независимая от холода и жары.

Правда, в наши дни, спустя несколько тысячелетий, ось север–юг снова обрела важные смысловые постоянные, так как умеренный климат срединного пояса континентальной Евразии оказался под сильным влиянием широтности.

Движение в направлениях восток–запад и север–юг постоянно стимулировалось в культуре реками как путями сообщения внутри материка. Вертикали Нила, Рейна, Днепра, Волги и великих сибирских рек как бы составлялись с горизонталями Тигра и Евфрата, Дуная, Амура, Оранжевой.

Степные дороги и реки облегчали движение племен и вечную угрозу завоеваний, несущих новые предметы, в том числе предметы роскоши и необходимости, новые идеи и символы веры.

Экспансия евразийских племен всегда распространялась по оси восток–запад и переселения народов в основном следовали этой горизонтали, мировой горизонтальной пути, который лишь совсем не так давно обрел свою замкнутость и тем самым коренным образом изменил исторический смысл.

Но долго эти горизонтальные набеги, победы и завоевания оставались локальными событиями, и импульс великого пути сохранял таинственную непредсказуемость судеб.

Одними из последних мировых движений была уже коммунистическая вера и революционный порыв, равно как экспансия современной техники – индустрии и электричества.

С победой электроники мировые движения как бы опустили в глубину хтонического прошлого и вышли обновленными на поверхность небывалых скоростей и мгновенных связей. Все это содействовало внезапному отрыву цивилизации от земной поверхности и возникновению недолгого космического мифа XX века.

Значимость востока и запада совершенно утратила свой планетарный вид и, сохраняя солнце как точку отсчета, лишила ее универсальности. Что значит наше солнышко в мирадах гигантских светил вселенной?

Ничего.

Выход «в свет» для человечества стал испытанием на прочность самой человечности. Теперь ее стремятся обменять на компьютерном рынке на сотни гаджетов с их быстродействием, бесконечной памятью и возможностью обмена.

Восток, подаривший Западу письменность, забыт – теперь Восток дарит Западу дешевые смартфоны в обмен на новые программы американских компьютерных гигантов. Имена людей со скоростью невиданной эпидемии уступают место их электронным «никам». И вот тут постепенно начинает высвечиваться новый горизонт планеты – ее ландшафт как лицо Земли.

Планета названа Землей, хотя большую часть ее поверхности занимает вода. Вода же, служившая ранее областью бездны и страха, становится питательной средой, дешевой дорогой и новой стихией – жидкой субстанцией, благодаря которой и возникла на Земле сама Жизнь.

Жидкая жизнь течений и потоков, ветров и бурь, облаков и ливней.

Новый круговорот воды в природе постепенно уходит на второй план и уже не несет успокоительных восходов и закатов. Тучи кочевников средневековья, переселенцев архаики, пассажиров самолетов и поездов сменяются гоном туч и гроз, ливней и засух, не требующих дорог и путеводных звезд.

Безымянные люди – пользователи сетей и безымянные облака, плывущие по ветру, обнаруживают новый тип планетарного ландшафтно-космического родства, бесперспективных случайностей судьбы и необычайной красоты или ужаса независимого существования.

И тут культурная память некогда враждовавших или подражавших друг другу племен, завоевателей и покоренных оказалась в театре новых драм бытия и новых стихий – стихий памяти и забвения.

Небо не помнит себя, и вода не хранит следов своих волн. Волны – любой частоты и диапазона – лишь несут эту память, разбиваясь о преграды и тая в дали.

И архитектура как конденсатор памяти, как знак и памятник оказалась в этом море движений практически лишней. Ее стариковские деревянные счеты прошлого и будущего ее векторов востока и запада, севера и юга становятся каким-то антикварным хламом в полуистлевшей хижине одинокой старушки.

Трансгендерные киборги уже не ютятся в юдоли страданий.

Но где они?

Есть ли у них, вечно свободных, – свои места?

Нет у них родины, нет им изгнания.

И вот родина и изгнание становятся предметами обмена и торго, коллекционирования и подделок.

Но место – место, когда-то считавшееся ГЕНИЕМ, то есть рождавшим смыслы началом, в том числе и началом пути – растворяется в этой трехмерной вселенной.

Этот момент не упустил заметить великий наблюдатель – Уильям Шекспир, сказавший и написавший: «Весь мир – это сцена». То есть перемена декораций.

Пытаясь ответить барду ернической шуткой, я бы отозвался эхом: весь мир – это стены, стены, которых больше нет.

Нет стен, нет улиц у домов и лиц у людей. Есть геометрия трехмерной вселенной фасадной решетки, за которой оказались мы, лишённые ландшафта.

«Но нет Востока и Запада нет – что племя, родина, род. Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает».

Р. Киплинг

Но где же край Земли? Не пляж ли в Таиланде или на Гавайях?

Где сильный?

Где сила? Где дух, взметнувшийся и оторвавшийся от Земли с ее ландшафтом?

Где то Место, из которого видны эти дали и эти края, в том числе и край земли.?

Слово «Край», постепенно ставшее синонимом места и родины («край родной, навек любимый»), – обозначает Грань; Границу, то, что лежит за Местом и открывает то, что уже не на месте, то, что неуместно.

Неуместность становится на место любимого края. Родины, Света, Юдоли.

Над нами ветер, и сами мы понемногу становимся ветром.

И наша ветренность, с погодною

Смешавшись, нас лишает чуда

Свидания.

И в песнь походную

Влагает «Вести ниоткуда».